

minibo**OK**

МО ЯНЬ

ПЕРЕМЕНЫ

Москва
2017

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44
M74

Mo Yan
CHANGE

Copyright © Seagull Books, 2010
Published by arrangement with Seagull books.
All rights reserved.

Перевод с китайского Н. Власовой

Художественное оформление А. Старикова

В оформлении обложки использованы фотографии:

shupian, Sean Pavone / Shutterstock.com

и иллюстрации: isaxar, Evgeniya Rodina / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Мо Янь.

M74 Перемены / Мо Янь ; [пер. с кит. Н. Власовой]. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 96 с. —
(Minibook).

ISBN 978-5-699-97811-3

Мо Янь — один из самых известных современных китайских писателей, лауреат Нобелевской премии по литературе 2012 года за «галлюцинаторный реализм, который объединяет народные сказки с историей и современностью». «Перемены» — история «маленького человека», чья жизнь меняется вместе с жизнью страны. Неторопливое, чрезвычайно образное повествование ведет нас от одного события к другому. Автор делится с нами своими размышлениями и наблюдениями, не упуская ни единой детали. И эти детали дают гораздо более полное представление о жизни Китая и китайцев, чем самые толстые учебники истории.

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

© Власова Н., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке. Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-97811-3

(1)

Вообще-то, я должен был описывать то, что происходило после 1979 года, но мои мысли постоянно прорывались через этот рубеж, перенося меня в солнечный осенний день 1969-го, когда цвели золотистые хризантемы, а дикие гуси летели на юг.

В этот момент я уже неотделим от собственных воспоминаний. В моей памяти — тогдашний «я», одинокий, выгнанный из школы мальчик, которого привлекли громкие крики и который боязливо пробрался через неохраняемый главный вход, преодолел длинный темный коридор и прошел в самое сердце школы — во двор, окруженный со всех сторон зданиями. Слева во дворе высился дубовый шест, на его верхушке проволокой закрепили поперечную балку, с которой свисал железный колокол, пятнистый от ржавчины. Справа стоял простой стол для настольного тенниса из бетона и кирпичей, вокруг которого собралась целая толпа поглядеть на матч между двумя игроками, отсюда и крики. Это самый разгар осенних каникул, так что большая часть собравшихся вокруг стола — преподаватели, помимо них присутство-

вали еще несколько симпатичных школьниц — гордость школы, члены школьной команды по настольному теннису. Они собирались участвовать в уездных соревнованиях в честь годовщины образования КНР¹, а потому не отдыхали на каникулах, а тренировались в школе. Все они были дочерьми кадровых работников местного колхоза, и с первого взгляда было видно, как разительно они отличаются от нас, деревенской бедноты, поскольку они нормально питались и росли, у них была белая кожа, они ни в чем не нуждались и одевались в яркие платья. Мы смотрели на них снизу вверх, но эти девочки нас не замечали, глядя прямо перед собой. Одним из игроков оказался учитель Лю Тяньгуань, который раньше преподавал у меня математику: низенький человек с удивительно большим ртом. Поговаривали, что он может засунуть себе в рот кулак, но при нас он ни разу подобное не проделывал. В моей памяти часто всплывает картина — учитель Лю зевает, стоя на кафедре, его разинутая пасть выглядит внушительно. Лю прозвали «бегемотом», но среди нас никто не видал бегемотов, зато по-китайски «жаба» и «бегемот» звучат очень похоже, и у жабы тоже огромный рот, так что «бегемот Лю» естественным образом превратился в прозвище «жаба Лю». Это не я придумал, хотя после проверок и расспросов почему-то решили, что я. Жаба Лю был сыном героя, павшего в революционной борьбе, да и сам занимал пост

¹ Государственный праздник, отмечается 1 октября.

заместителя председателя школьного революционного комитета, а потому давать ему обидные прозвища, разумеется, ужасное преступление, за которое меня неизбежно исключили из школы и выставили за дверь.

Я с детства ни на что не гожусь, вечно мне не везет, я мастер испортить все хорошие начинания. Зачастую, когда я пытался подлизаться к кому-то из учителей, они ошибочно полагали, что я хочу навлечь на них неприятности. Мать неоднократно со вздохом говорила: «Сынок, ты как та сова, что пытается принести добрые вести, да репутация уже испорчена!» И правда, обо мне никто не мог подумать ничего хорошего, но если речь шла о дурных поступках, то их непременно приписывали именно мне. Многие считали, что я малолетний бандит, идеология у меня хромает, и вообще, я ненавижу школу и учителей. Но это неправда на сто процентов. На самом деле я искренне любил школу, а к большеротому учителю Лю и вовсе питал особые чувства, а все потому, что был таким же большеротым, как и он. Я написал повесть, которая называется «Большой рот», так вот главный герой спisan с меня самого. На самом деле мы с большеротым учителем Лю — товарищи по несчастью. Нам бы стоило сочувствовать друг другу, иначе говоря, поддерживать себе подобного. Если бы я и стал придумывать кому-то прозвища, так уж точно не ему. Это ясно как день, но не для учителя Лю. Он схватил меня за волосы и, притащив в свой кабинет, пнул так, что я упал на пол, и сказал:

— Знаешь, как это называется? Ворона смеется над черной свиньей! Напруди-ка лужу мочи да посмотри на отражение своего «миленького» ротика!

Я пытался объяснить учителю Лю, но он меня не слушал. Вот так хорошего паренька, Большеротого Мо, который всегда относился к Большеротому Лю с симпатией, исключили из школы. Мое ничтожество проявилось вот в чем: несмотря на то что учитель Лю объявил о моем исключении перед всеми преподавателями и учениками, я по-прежнему любил школу и каждый день, неся за спиной проходившийся ранец, искал возможность проникнуть тайком на ее территорию...

Сначала учитель Лю лично требовал, чтобы я убрался, но я не уходил, и тогда он выволакивал меня за ухо или за волосы, но не успевал даже вернуться к себе в кабинет, как я уже тайком пробирался внутрь. Потом он стал отправлять нескольких высоких крепких ребят прогнать меня, но я все равно не уходил, и тогда они хватали меня за руки и за ноги, выносили за ворота и выкидывали на улицу. Но еще раньше, чем они возвращались в класс и усаживались за парты, я опять оказывался на школьном дворе. Я забивался в угол, изо всех сил съеживался, чтобы не привлекать к себе внимания окружающих, но вызвать у них сочувствие, и торчал во дворе, слушая, как школьники весело болтают и хохочут, глядя, как они бегают вприпрыжку. Но больше всего мне нравилось наблюдать за игрой в настольный теннис, причем увлекался я настолько, что на глаза часто наворачи-

вались слезы, и я кусал кулак... А потом всем уже просто надоело меня прогонять.

В тот осенний день сорок лет назад я тоже жался к стене, глядя, как Жаба Лю, размахивая самодельной ракеткой, размером больше обычной, а по форме напоминающей саперную лопатку, сражается с моей бывшей одноклассницей и соседкой по парте Лу Вэньли. На самом деле Лу Вэньли тоже большегорная, но ей большой рот идет и не кажется таким огромным, как у нас с учителем Лю. Даже тогда, во времена, когда крупный рот не являлся признаком красоты, она считалась почти что самой красивой девочкой в школе. Тем более ее отец работал в совхозе водителем, ездил на советском «ГАЗ-51», скоростном и внушительном. В те годы профессия водителя считалась очень почетной. Как-то раз классный руководитель задал нам написать сочинение на тему «Моя мечта», так половина мальчишек из класса написали, что хотят стать водителями. А Хэ Чжиу, самый рослый и крепкий парень в нашем классе, с прыщами по всему лицу и усиками над верхней губой, который вполне сошел бы за двадцатипятилетнего, написал просто: «У меня нет никаких других желаний. Мечтаю лишь об одном. Хочу быть папой Лу Вэньли».

Учитель Чжан любил на уроке зачитывать лучшие и худшие, на его взгляд, сочинения. Он не называл имен авторов, а просил нас угадать. В те времена в селе поднимали на смех всех, кто говорил на путунхуа, даже школа не была исключением. Учитель Чжан — единственный в школе препода-

ватель, кто осмелился вести занятия на путунхуа. Он окончил педагогическое училище и едва перешагнул двадцатилетний рубеж. У него было худое вытянутое бледное лицо и волосы на косой пробор, а носил он застиранную синюю габардиновую гимнастерку, на воротнике которой красовались две скрепки, а на рукавах — темно-синие нарукавники. Наверняка он носил и какие-то другие цвета и фасоны, не мог же он ходить круглый год в одной и той же одежде, но в моей памяти его образ неразрывно связан с этим нарядом. Я всегда сначала вспоминаю нарукавники и скрепки на воротнике, затем саму гимнастерку и только потом его черты, голос и выражение лица. Если нарушить порядок, то наружность учителя Чжана мне не вспомнить ни за что на свете. Тогдашнего учителя Чжана, говоря на языке 80-х, можно было назвать «симпатягой», на сленге 90-х — «улетным», а сейчас про таких ведь говорят просто «красавчик»?

Возможно, нынче есть и более модные и популярные словечки, какими можно описать привлекательного молодого человека, я проконсультируюсь с соседской дочкой и тогда узнаю. Хэ Чжиу на вид казался куда старше преподавателя Чжана, ну, в отцы не годился — слишком громко сказано, но если назвать его дядей учителя Чжана, никто бы не усомнился. Помню, как преподаватель Чжан зачитывал сочинение Хэ Чжиу язвительным тоном, с нарочитым пафосом: «У меня нет никаких других желаний. Мечтаю лишь об одном. Хочу быть папой Лу Вэньли».